

обеспеченных классов, мир грязных интриг и сплетен. Это было все то же гнилое болото, «стоячая вода» дворянской и чиновничьей обывательщины, в которой гибли живые силы России. В 60—80-е гг. в творчестве Х. появляются образы, связанные с общественной борьбой тех лет. Это образы новых людей, готовых на борьбу и лишения ради счастья угнетенного народа. Таковы молодые героини повестей и романов «Пансионерка» (1861), «Большая Медведица» (1870, отд. изд. — 1872), «Былое» (1878), «Учительница» (1880). Женские образы произведений Х. имеют много общего с образами тургеневских героинь. Особенно удался Х. образ Кати — героини романа «Большая Медведица», дворянской девушки, ушедшей «в народ» и посвятившей ему всю свою жизнь. Х. восхищалась мужеством революционного народничества 70-х гг. «Вот они, мои воскресители, этот честный народ, младшие братья 60-х годов», — писала она.

В своих произведениях Х. ставит проблему воспитания нового человека, проблему отцов и детей на новом историческом этапе (70—80-е гг.). Очень интересна в этом отношении одна из художественно совершенных повестей Х. — «Первая борьба» (1869), раскрывающая процесс формирования душевно опустошенного человека, предателя идеалов отцов-шестидесятников. В 70—80-е гг. образы предателей и отступников будут основными в произведениях Х.: в рассказе «Счастливые люди» (1874), в цикле «Альбом. Группы. Портреты», в повестях «Здоровые» (1883), «Прощание» (1884), «Обязанности» (1885—86) и др.

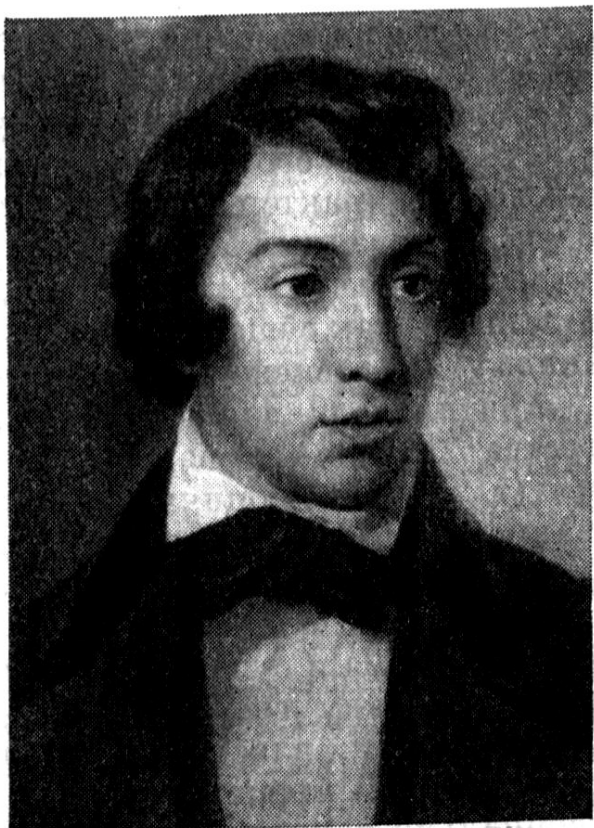
Определение Х. эпохи наступившей реакции: «Были времена хуже — подлей не бывало», которое она дала в рассказе «Счастливые люди», использовал Некрасов в поэме «Современники». Трагизм положения демократической интеллигенции в период политической реакции 80-х гг. отражен в рассказах Х. «После потопа» (1881), «Вьюга» (1889), рисующих разгром революционного народничества. Образы демократической молодежи до конца жизни писательницы оставались для нее самыми любимыми. Однако многим образам был свойствен схематизм, односторонность.

В 60—80 гг. Х. была также известна как литературный критик. Она помещала статьи в «Отечественных записках», «Русских ведомостях», «Живописном обозрении». Ее псевд. были В. Поречников, Н. Воздвиженский. О творчестве Х. положительно отзывались Д. Писарев, Н. Михайловский, А. Скабичевский и др.

Соч.: Собр. соч. Романы и повести В. Крестовского, т. 1—8, Спб., 1859—66; Повести Крестовского, т. 1—4, Спб., 1881; В. Крестовский, Полн. собр. соч., Спб., 1892; Н. Д. Хвоцинская, Повести и рассказы, М., 1963.

Лит.: Н. А. Некрасов, Заметки о журналах за март 1856. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, с. 395—399; его же, Деревенский случай, там же, с. 670—673; Д. Писарев, «Отечественные записки» 1858 года. Соч., т. I, Спб., 1909, с. 18—26; П. Никитин (Т. Ткачев), «Гнилые корни», «Дело», 1880, № 2, с. 315—344; № 3, с. 283—324; Н. К. Михайловский, Полн. собр. соч., Пб., 1909—13; т. IV — Экспериментальный роман, с. 779—782; т. X — «Альбом. Группы и портреты» В. Крестовского, с. 873—879; А. П. Могилянский, Н. Д. и С. Д. Хвоцинские. В кн.: История русской литературы, т. IX, кн. 2, М.—Л., 1953, с. 228—237.

ХОМЯКОВ, Алексей Степанович [1(14).V. 1804, Москва, — 23.IX(5.X).1860, с. Ивановское, Данковского у., Рязанской губ.; похоронен в Москве] — публицист, философ, поэт. Родился в старинной дворянской семье. Получил блестящее домашнее образование под руководством матери, Марии Алексеевны, урожд. Киреевской. Уже в детстве основательно изучил французский, английский и латинский языки. В Петербурге, куда Х. переехал вместе с семьей в 1815, ему преподавал русскую словесность А. А. Жандр, драматург и друг А. С. Грибоедова. С возвращением в Москву (1817) Х. завершает свое образование под руководством доктора философии А. Г. Глаголева и в 1821 держит в Московском ун-те экзамен на степень кандидата математических наук. Он сближается с бр. Веневитиновыми, входит в созданный ими кружок университетской молодежи, тяготевшей к немецкой идеалистической философии. В это же время у Х. возникают и литературные интересы: он пишет стихи, большую поэму о новгородском Вадиме, занимается переводами

античных авторов (Вергилия, Горация), пробует свои силы в драматургии. В 1821 впервые выступил в печати, опубликовав в «Трудах Общества любителей российской словесности» перевод «О нравах и положении Германии» Тацита.

Завершив образование, Х. определяется на военную службу и уезжает на юг в кирасирский полк. В 1823 он переводится в конную гвардию в Петербург, сближается с К. Ф. Рылевым и А. И. Одоевским, печатает в альманахе «Полярная звезда» стих. «Бессмертие вождя» и «Желание покоя». Весной 1825 Х. оставляет службу и уезжает за границу — во Францию, Швейцарию и Италию, где занимается живописью и пишет историческую драму «Ермак» (поставлена на сцене в 1827, опубл. в 1832). Вернувшись в Россию в нач. 1826, Х. живет то в деревне, то в Москве или в Петербурге. Он посещает литературные салоны Е. А. Карамзиной и кн. В. Ф. Одоевского, переводит Шиллера, активно сотрудничает в «Московском вестнике», публикуя одно стихотворение за другим. С началом русско-турецкой войны (1828—29) Х. поступает в Белорусский гусарский полк и доходит с ним до Дуная. Поэтическая деятельность Х. и в это время не прекращается. А. С. Пушкин в предисловии к «Путешествию в Арзрум» отметил: «Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове

и об А. Н. Муравьеве... Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений...» (Полн. собр. соч., т. VI, М., 1957, с. 639). С окончанием войны Х. выходит в отставку и занимается сельским хозяйством в своих имениях. Его стихи печатаются в «Европейце», «Библиотеке для чтения» и др. журналах. В 1833 была поставлена (и в том же году опубл.) вторая историческая драма Х. — «Дмитрий Самозванец», сочувственно встреченная публикой.

В конце 30-х гг. поэтическая активность Х. падает. Он начинает выступать с пропагандой славянофильских идей, которые, впрочем, были заметны уже в некоторых ранних его стих. («Орел», 1832; «Мечта», 1834, и др.). Впервые основные положения славянофильской доктрины были изложены Х. в не предназначавшейся для печати статье «О старом и новом», прочитанной им в 1839 на одном из вечеров у И. В. Киреевского. С тех пор не только в журн. «Москвитянин», «Московских сборниках», позднее в «Русской беседе», но и в литературных салонах А. П. Елагиной, Свербеевых и Аксаковых он с неутомимой энергией отстаивает свои взгляды и получает широкую известность как блестящий полемист и оратор. А. И. Герцен впоследствии писал о Х.: «Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения все на свете — от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого легиста. Возражения его, часто мнимые, всегда ослепляли и сбивали с толку» (Собр. соч., т. IX, М., 1956, с. 157).

В эти годы Х. усиленно занимается самообразованием: много читает, изучает санскрит, греческий, еврейский и некот. др. языки. Круг его научных интересов расширяется.

В 1838 Х. приступает к своему основному историческому сочинению — «Запискам о всемирной истории» (впервые изд. в 1871—73), — известному в его кругу под названием «Семирамиды». Этот монументальный трехтомный труд, представляющий собой обзор всей мировой истории с точки зрения славянофильского учения, остался незаконченным. Активная публицистическая деятельность Х., начав-

шаяся в 40-е гг., наложила свой отпечаток и на его поэтическую практику, которая свелась в основном к пропаганде славянофильских идей. И когда в 1844 вышел его сб. «Стихотворения», Белинский выступил с резкой рецензией, отметив у автора лишь способность «слагать громкие слова в фразистые стопы» (Полн. собр. соч., т. VIII, 1955, с. 473).

В начале 50-х гг. Х. все больше начинает интересоваться вопросами религии. В трех брошюрах, изданных за границей под общим названием «Несколько слов православного христианина о западных верованиях» (1853—58), он выступает ярким защитником православия, в котором только и сохранился, по его мнению, истинный христианский дух. С 1856 Х. в основном печатается в журн. «Русская беседа» — официальном органе славянофилов. В 1857 он избирается председателем Общества любителей российской словесности при Московском ун-те. Одновременно Х. принимает участие в делах Московского общества сельского хозяйства. В последние годы жизни он усиленно работает над богословскими трудами. Для французского журн. «Union Chrétienne» Х. пишет цикл статей, в которых опять-таки доказывает превосходство православия над западными протестантскими течениями. Незадолго до смерти, вызванной внезапным заражением холерой, Х. закончил два перевода из священного писания.

При несомненной цельности мировоззрения Х. его общественно-политические взгляды отличались известной противоречивостью. Сторонник самодержавной власти, он неоднократно выступал за созыв выборного всесословного Земского собора, требовал упразднения смертной казни и учреждения открытого суда с участием выборных присяжных заседателей. Х. стоял за отмену крепостного права, выделение освобожденным крестьянам земельных наделов, но в то же время стремился сохранить основы дворянского землевладения, предлагал установить за выделенную крестьянам землю обязательный выкуп.

Исторические построения Х. были непосредственно связаны с его политической программой. Основываясь на учении Шеллинга о «народном духе», Х. развивал

мысль о противоположности коренных начал России и Западной Европы. Он идеализировал древнюю Русь, весь уклад жизни которой, по его мнению, имел общинно-вечевой характер. Общину как союз людей, основанный на православии, на «внутреннем законе», Х. противопоставлял социализму как общественному строю, основанному на «внешнем законе». Х. резко критиковал западноевропейские государства с их «кровавыми переворотами» (т. е. революциями), «которые совершались быстро и насильственно». Идеальным государством он считал допетровскую Русь, где якобы не было классового антагонизма и существовало взаимное согласие между государством, обладавшим полнотой власти, и народом, обладавшим силой мнения.

На социально-политические идеи опирались и философские концепции Х. В своих сочинениях «По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского» (1857), «О современных явлениях в области философии» (1859) и «Второе философское письмо к Ю. Ф. Самарину» (1860) Х. писал о кризисе европейской философии, выросшей на основе рационалистических вероучений католицизма и протестантизма. Истинная философия, по мнению Х., может быть создана лишь на основе православия. Путь к постижению истины открывает не разум, а вера, в которой Х. усматривал силу развития человечества. «Разум жив восприятием явления в вере», — писал он.

Основной проблемой критики Х. была проблема «отрицательного» и «положительного» направлений в русской литературе. Отмечая в русской литературе преобладание «отрицательного» отношения к действительности, Х. видел причину этого явления в отрыве литературы от народной почвы, в преклонении перед жизнью и культурой Западной Европы. Основоположником «положительного» направления русской литературы Х. считал С. Т. Аксакова. «... Он первый из наших литераторов, — писал Х., — взглянул на нашу жизнь с положительной, а не с отрицательной точки зрения». Х. отрицательно относился к теории «чистого искусства», характеризуя ее как «одностороннее явление германской эстетики».

Первые поэтические опыты Х. были выдержаны в романтическом стиле. Основная тема его ранней лирики, во многом близкой лирике Д. В. Веневитинова и С. П. Шевырева, — постижение поэтом внутреннего единства природы и духа, стремление к пантеистическому слиянию с миром («К заре», «Молодость», 1827; «Вдохновение», 1828; «Степи», 1829, и др.). «Хотел бы я разлиться в мире» («Желание», 1827, опубл. в 1844) — этот мотив проходит через многие стихотворения Х. Одна из значительных тем ранней лирики Х. — тема о сущности и назначении поэзии. Поэт в стихах Х. выступает посредником между человеком и природой. Человек стремится понять «тайный глас природы» и слиться духом с мировой душой («Сон», 1826). Философская по своему содержанию, ранняя лирика Х. лишена гражданского, обличительного пафоса, хотя всем своим пантеистическим характером она противостояла тогдашней действительности.

С 1830-х гг. в поэзии Х. начинают преобладать историко-публицистические мотивы, трактуемые в духе славянофильства. Поэтическое творчество Х. этих лет отличается тематической ограниченностью. Основные темы его лирики непосредственно связаны с идеями славянофильской доктрины. Х. выступает за сближение славянских народов под эгидой русского самодержавия («Прощание с Адрианополем», 1830; «Орел», нач. 30-х гг.; «Гордись!», 1839, и др.). Вместе с тем в стихах Х. 1830—40-х гг. отразилась и оппозиционность славянофилов существующему строю, их критика цензурно-полицейского гнета. Х. прославляет свободу слова и духа («Навуходоносор», 1849), обличает рабство и угнетение. В стих. «России» (1854) Х. так, напр., характеризовал николаевскую Россию:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной

И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна...

Обличительные мотивы поздней лирики Х. представляют определенный интерес и в наши дни.

Х. стремился преодолеть стиховые каноны легкой, салонной поэзии. Его лирике, насыщенной философским содержанием, свойственна декламационная патетика, тяготение к архаичному словарю.

Соч.: Стихотворения, М., 1844; Соч., т. I—IV, М.—Прага, 1861—73; Полн. собр. соч., т. I—VIII, М., 1900—1907; Стихотворения, М., 1910; Соч., кн. 1—6, Пг., 1915; Стихотворения. Вступ. ст. ред. и прим. И. Сергиевского. В кн.: Д. Веневитинов. С. Шевырев. А. Хомяков, Стихотворения, Л., 1937, с. 197—289 («Б-ка поэта», малая серия).

Лит.: В. Г. Белинский, Русская литература в 1841 году. Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, с. 561; его же, Русская литература в 1844 году, там же, т. VIII, М., 1955, с. 461—474; его же, Совет «Москвитяину», там же, т. IX, М., 1955, с. 306—307; А. Григорьев, О правде и искренности в искусстве, по поводу одного эстетического вопроса (Письмо к А. С. Хомякову). Собр. соч., вып. 2, М., 1915, с. 1—112; Д. И. Писарев, Московские мыслители. Соч., т. 1, М., 1955, с. 295—298; А. Н. Пыпин, Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки, Пб., 1873, с. 267—275, 334—338; В. Н. Лясковский, А. С. Хомяков. Его биография и его учение, М., 1897; Д. Д. Языков, А. С. Хомяков. Его жизнь и литературная деятельность, М., 1904; Д. И. Чесноков, А. С. Хомяков, «Уч. зап. Свердловского пед. ин-та», 1939, вып. 2, с. 197—220; М. Загорский, Poleмические заметки, «Театр», 1940, № 7, с. 147—149; Б. Я. Бухштаб, Эстетизм в поэзии 40—50-х годов и пародии Козьмы Пруткова, «Тр. Отдела новой русской литературы», т. I, 1948, с. 144—154, 160; его же, Поэты сороковых годов. В кн.: История русской литературы, т. VII, М.—Л., 1955, с. 682—687; Г. А. Гуковский, Пушкин и проблемы реалистического стиля, М., 1957, с. 68—70; Е. А. Маймин, Хомяков как поэт. В кн.: «Пушкинский сборник», Псков, 1968, с. 69—114; С. Машинский, Славянофильство и его истолкователи, «Вопр. лит-ры», 1969, № 12, 102—140.